

УДК 82.09

ТЕОРИЯ СТИХА И ПРОЗЫ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В НАУЧНОЙ СИСТЕМЕ Б.М. ЭЙХЕНБАУМА

ОРЛИЦКИЙ Юрий Борисович,

доктор филологических наук, профессор,

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

АННОТАЦИЯ. В статье предпринимается попытка осмысления значимых и плодотворных для современной теории стиха и прозы положений эйхенбаумовской методологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стихи, проза, структурная специфика стихотворной речи.

ORLITSKI Y.B.,

Dr. Philolog. Sci.,

Russian State University for the Humanities

**THE THEORY OF VERSE AND PROSE AND THEIR INTERACTION
IN B.M. EICHENBAUM'S PHILOSOPHY**

ABSTRACT. This article is an attempt to comprehend Eichenbaum's methodology, which is seen today as important and fruitful for the modern theory of verse and prose.

KEY WORDS: poetry, prose, structural specificity of poetic speech.

Расцвет научного творчества Б.М. Эйхенбаума пришелся на эпоху активного взаимодействия стиха и прозы в русской литературе. Это не могло не найти теоретического отражения в работах выдающегося ученого, много сделавшего также для научного осмысления процессов, происходивших в современной ему словесности.

Не дерзая описывать систему взглядов одного из крупнейших филологов нашего века в целом (тем более, что они заметно менялись в ходе его творческой эволюции), мы попробуем выделить некоторые, как нам представляется, наиболее значимые и плодотворные для современной теории стиха и прозы положения, нашедшие свое продолжение в отечественном литературоведении.

Прежде всего, это вопрос о структурной специфике стихотворной речи, один из важнейших аспектов которого – взаимодействие языковых реалий и стихотворного ритма – был досконально обследован Б.М. Эйхенбаумом на максимально подходящем для этой цели материале напевного извода русской сказы а ботаники XIX в. в классической работе «Мелодика русского лирического стиха» (1922).

Не менее важно обозначенное Б.М. Эйхенбаумом в «Конспекте речи о Мандельштаме» (1933) положение о взаимной необходимости стиха и прозы: «Проза без стиха беспомощна, косноязычна. Потому что стих – лаборатория речи. “Зависть” поэзии к прозе. Попытка прозы вобрать в себя стих».

Именно на фоне такого представления о взаимодействии специфике двух основных типов художественной речи, обуславливающей драматическую динамику их взаимоотношений, можно было начинать строительство теоретической истории русской литературы прошлого века с неслучайным учетом фактора взаимоотталкивания и взаимопритяжения стиха и прозы.

Б.М. Эйхенбаум выделяет несколько основных этапов этой истории: принципиальный синкретизм поэтического и прозаического начал у Н. Карамзина и его современников; острая борьба поэзии и Информации для связи с автором: ju_b_orlitski@mail.ru

1830-е годы противопоставление двух типов русской прозы (ориентированной на стих и на отгалкивание от него); эпоха господства прозы и отрицания стиха, отчасти смягченного некрасовской попыткой оправдания поэзии; символистские дерзания – практические и теоретические – стереть грань между прозой и стихом; вновь обретенное самосознание стиха и прозы в постсимволистскую эпоху, осложненное, однако, в прозе – ориентированной на стих орнаменталистикой, а в стихе – романизацией и эпизодичностью лирики.

Круг писателей, в творчестве которых прослеживаются названные этапы и обуславливающие их выделение процессы, говорит сам за себя: Н. Карамзин, А. Марлинский, А. Вельтман, А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Некрасов, А. Фет, Н. Лесков, Л. Толстой, А. Белый, А. Ремизов, Е. Замятин, О. Мандельштам, А. Ахматова.

При этом Б.М. Эйхенбаум подводит нас к сопоставлению процессов, происходящих на границе стиха и прозы в Золотом и Серебряном веках русской литературы, что стало совершенно очевидным только сегодня.

Теперь несколько значимых частных.

В этапной работе «Путь Пушкина к прозе» Б.М. Эйхенбаум, констатируя сознательность ухода поэта в своих повестях от видимых рецидивов стиха, тем не менее утверждает, что «проза Пушкина явилась как переход от стиха и поэтому она должна отличаться особыми признаками», о чем сегодня много говорится и пишется (особенно интересно – В. Шмидтом и М. Красноперовой).

Совершенно по-новому ставится Б.М. Эйхенбаумом в работе «Журнализм Некрасова» (• *Научное наследие Б.М. Эйхенбаума в современном литературоведении*) цент в оценке проведенной поэтом прозаизации стиха. По мнению ученого, главное в ней то, что поэт «оправдал самую необходимость поэзии, показал насущность стиховой речи, которая была взята под подозрение».

Большое значение для понимания роли топонимов и антропонимов в процессе экспансии в прозу стиховой зауми (прежде всего у В. Хлебникова и А. Белого) имеет проницательное попутное замечание исследователя о роли «бессмысленных» экзотизмов в поэзии А. Пушкина и его современников.

Не менее плодотворным в методологическом смысле представляется и объяснение экспериментирования Н.С. Лескова с метрической прозой его «художественным филологизмом», развивая которой, писатель, в общем враждебно настроенный к поэзии, «вступил в некоторое принципиальное соперничество со стихом, оспаривая его право на дальнейшее самостоятельное существование». Отголоски этой полемики, особенно в методах ее ведения, в более позднее время можно найти у В. Набокова, И. Шмелева, И. Ильфа и Е. Петрова, С. Довлатова.

Говоря о современной ему прозе, Б.М. Эйхенбаум особое внимание уделяет сказовым повествователям – «наследникам Лескова»: в первую очередь М. Кузмину, А. Ремизову, Е. Замятину, Б. Пильняку, справедливо отмечая параллельность их поиска опытам «литературной поэтической прозы» А. Белого. При этом, неоднократно называя попытки последнего материализовать свою прозу и найти метр в произведениях предшественников искусственным и неплодотворным, ученый предельно высоко оценивает самую «стихоподобную» прозу А. Белого (роман «Москва»), вполне справедливо

отмечая сказавшийся в ней опыт экспериментальной поэзии. В современной поэзии он отмечает наметившуюся у большинства советских авторов тягу к эпическим формам, к документальности, т.е. к формальному освоению возможностей прозы, а книгу А. Ахматовой «Подорожник» называет «роман-лирика», отмечая в ней аналогичный по вектору. С другой стороны, осуществляемый внутри сдвиг Б. Эйхенбаум констатирует необходимый для очередного «оправдания» стиха и поэзии как таковых «активный метод созидания смыслов, метод словесного строительства», ростки которого ученый обнаруживает в первую очередь у О. Мандельштама и Б. Пастернака.

Разумеется, это – далеко не все конкретные наблюдения и теоретические положения о стихе и прозе и их взаимодействии, щедро рассеянные по статьям и исследованиям большого ученого: мы сознательно ограничили свой выбор лишь теми из них, которые имеют, как нам кажется, наибольшее значение для понимания самых спорных проблем современной науки и самых неоднозначных явлений литературной практики.

При этом не менее важным, чем конкретные теоретические положения, нам представляется методологический пассаж, завершающий «Мелодику стиха»: «Теория необходима <...>, потому что именно при ее свете факты становятся видными – т.е. делаются действительно фактами. Но теории гибнут или меняются, а факты, при их помощи найденные и утвержденные, остаются. Поэтому пусть материал не до конца укладывается в схему – ей никогда не обнять всего его разнообразия; важно, чтобы явления, остававшиеся за пределами восприятия и потому не существовавшие для сознания, стали ощутимым, попали бы в сферу наблюдаемости».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Эйхенбаум Б.М. О поэзии / Б.М. Эйхенбаум. – Л., 1969.
2. Смирнов И.П. Оппозиция стихи/проза в литературоведческой концепции Б.М. Эйхенбаума / И.П. Смирнов // *Revue des etudes. Unne.* – 1985. – Vol. 57. – № 57-1.